

Ши Яньжу, видя, что Цинь Чжэньюй, словно дурачок, лишь во все глаза смотрит на него и улыбается, прикрикнул на остолбеневшего Кун Цинлиня:

— Ты чего застыл? Быстрее звони врачу!

Кун Цинлинь, набрав номер, дрожащим пальцем указал на Цинь Чжэньюя:

— Это не моя вина! Я его не толкал, он сам специально упал на осколки вазы!

В этот момент Цинь Чжэньюй, нахмурившись, простонал:

— Старший брат, у меня живот сильно болит.

Ши Яньжу приподнял одежду Цинь Чжэньюя и, увидев на коже синяки от ударов ногами, нахмурился еще сильнее, глядя на Кун Цинлиня:

— Ты называешь это «не толкал»? А бить его — это тоже не ты? Ты хоть знаешь, что он болен? У тебя еще хватает наглости оправдываться, избивая больного человека?

Цинь Чжэньюй схватил Ши Яньжу за руку, лицо его было бледным:

— Старший брат, со мной все в порядке, просто простуда, сил нет. Кун Цинлинь, наверное, не нарочно. У меня состояние было подавленное, он что-то говорил, а я не услышал. Он решил, что я его провоцирую, вот и сорвался.

Увидев, что спина Цинь Чжэньюя все еще кровоточит, Ши Яньжу в тревоге воскликнул:

— Молчи, прошу тебя! Я все знаю, все понимаю. Это вина Кун Цинлиня, он не должен был тебя бить. Я заставлю его извиниться.

Если Цинь Чжэньюй затаит обиду на Кун Цинлиня, тому не поздоровится.

Кун Цинлинь, услышав, как Цинь Чжэньюй сыплет ложью, а затем и требование Ши Яньжу извиниться, лишь горько усмехнулся. Свирепо глядя на Цинь Чжэньюя, он процедил сквозь зубы:

— Цинь Чжэньюй, ну ты и гад. Смелости тебе не занимать. Жди, еще встретимся.

Бросив пару угроз, Кун Цинлинь выбежал из виллы. Он был не дурак: в первый момент его напугала кровь, но теперь, придя в себя, он понял, какую игру затеял Цинь Чжэньюй.

На вилле Ши Яньжу растерянно сидел рядом с Цинь Чжэньюем, глядя на кровь, и был готов расплакаться от беспокойства.

— Старший брат, ты волнуешься за меня? — Цинь Чжэньюй, лежа на полу, слабо улыбнулся.

Ши Яньжу, заметив, что тот клонится в сон, испугался, что он может не проснуться, и поспешно ответил:

— Конечно, я волнуюсь! Я ведь твой старший брат, твоя семья. Не спи, врач скоро будет.

Цинь Чжэньюй намеренно изобразил горькую усмешку:

— Я знаю, что ты меня боишься, хочешь уйти и прячешься. Но зачем бояться? Даже если я причиню вред себе, я никогда не трону тебя. Сун Цзыхуа сегодня сказал, что моя болезнь обострилась, нужно медикаментозное лечение.

Сердце Ши Яньжу будто сдавило тисками, стало невыносимо тяжело. У Цинь Чжэньюя были только внешние повреждения, осколки вазы глубоко вошли в тело, но Ши Яньжу поражало, что тот не издал ни звука и даже бровью не повел.

Когда врач обрабатывал раны, Ши Яньжу увидел на руках Цинь Чжэньюя множество мелких, но жутких шрамов.

— Что это? Откуда они? — спросил он.

Цинь Чжэньюй спокойно опустил рукав, скрывая следы:

— Пустяки.

Ши Яньжу долго смотрел ему в лицо, не в силах вымолвить ни слова. В ушах эхом отдавались слова Сун Цзыхуа: у Цинь Чжэньюя склонность к членовредительству. Настроение Ши Яньжу было крайне сложным. Цинь Чжэньюй — живой человек, и он не мог оставаться равнодушным к его самоистязаниям, но, не будучи врачом, ничем не мог помочь.

Узнав от врача, что угрозы жизни нет, Ши Яньжу просидел у кровати почти весь день и спустился вниз только к вечеру. У лестницы он столкнулся с Кун Цинлинем и, глубоко вдохнув, глухо спросил:

— Почему вы подрались?

Кун Цинлинь нахмурился и очень серьезно ответил:

— Мы не дрались. Он специально вывел меня из себя, я не сдержался. Это он сам опрокинул вазу и нарочно упал на осколки. Яньжу, каждое мое слово — правда. Цинь Чжэньюй — сумасшедший, он безумен, поверь мне, я не стану тебя обманывать.

Ши Яньжу стоял на лестнице, не решаясь спуститься, и молчал. А ведь Цинь Чжэньюй и правда сумасшедший.

— Хозяин, возможно, Кун Цинлинь не лжет, — раздался в голове глубокий голос Системы. — Цинь Чжэньюй высокий и крепкий, а Кун Цинлинь и тяжелее ручки ничего не поднимал. С чего бы ему лезть в драку, если он не болен на голову?

Видя молчание Ши Яньжу, Кун Цинлинь заволновался:

— Ты мне не веришь? Что он тебе наговорил?

Ши Яньжу поспешил успокоить его:

— Ничего он не сказал. Когда его состояние улучшится, сходи и извинись. Я знаю, что вы не ладите, но сделай это ради меня, хорошо?

Цинь Чжэньюй слишком жесток, он словно ядовитая змея, притаившаяся в тени. Если он решит ужалить Кун Цинлиня, тому не жить. Попросить Кун Цинлиня извиниться — это способ защитить его.

Кун Цинлинь, сжав зубы, кивнул:

— Я тоже виноват, не стоило поддаваться на провокации. Я извинюсь, но послушай меня: не стоит слишком сближаться с Цинь Чжэньюем.

Ши Яньжу небрежно кивнул. То, что Кун Цинлинь согласился извиниться, принесло ему огромное облегчение.

— Ты сказал, что он болен. Чем именно? — спросил Кун Цинлинь.

Ши Яньжу открыл рот, но промолчал. Он подписал контракт и не мог разглашать информацию о психическом расстройстве Цинь Чжэньюя. Кун Цинлинь терпеть не мог Цинь Чжэньюя, и, узнай он правду, обязательно использовал бы это против него, что привело бы к смертельной вражде.

Ши Яньжу покачал головой:

— Ничем серьезным, просто простуда.

Кун Цинлинь прищурился. Бледность Цинь Чжэньюя не была игрой, он-то понимал разницу между простудой и чем-то иным.

Вечером Ши Яньжу, сидя на кровати с телефоном, долго колебался, прежде чем отправить сообщение Сун Цзыхуа:

Доктор Сун, у Чжэньюя на руках много порезов, подозреваю, что он занимается самоповреждением. Сегодня он сказал, что болезнь прогрессирует и нужно лечение. Могу ли я чем-то помочь?

Отправив сообщение, он отбросил телефон и раздраженно взлохматил волосы.

— Хозяин, может, просто сбежим? Цинь Чжэньюй слишком непредсказуем и опасен, — неуверенно подала голос Система.

Ши Яньжу усмехнулся про себя:

— Куда мы денемся? Ты можешь гарантировать, что я благополучно уеду за границу или что Цинь Чжэньюй меня не найдет?

Система притихла, но затем добавила:

— Не нужно так нервничать. Цинь Чжэньюй сам сказал, что, что бы ни случилось, он не причинит тебе вреда.

Ши Яньжу долго молчал, а потом спросил:

— Ты веришь словам сумасшедшего?

Система верила или нет, но сам Ши Яньжу — нет. Цинь Чжэньюй пока его не трогал, но, обладая памятью Системы, он прекрасно знал, что тот из себя представляет: мелочный, злопамятный, параноидальный, холодный и жестокий. Как можно верить обещаниям такого человека?

Система тоже замолчала, а спустя время посоветовала:

— Так или иначе, твоя судьба в руках Цинь Чжэньюя. Чтобы изменить ее, нельзя идти с ним на конфликт. Не зли его, даже если боишься — не показывай виду, играй роль любящего брата.

Ши Яньжу глубоко вздохнул, смиряясь, и внезапно встал.

— Хозяин, ты... что ты собрался делать? Не совершай глупостей, успокойся! Убийство — это преступление, за это сажают! — засуетилась Система.

Ши Яньжу скривил губы:

— Я не идиот. Раз нужно играть роль любящего брата, пойду спрошу, не болят ли у него раны.

Дверь в комнату Цинь Чжэньюя была не заперта. Ши Яньжу осторожно вошел, увидел, что тот спит, на цыпочках подошел к кровати и поправил одеяло. Он пробыл там около десяти минут, и стоило ему выйти, как Цинь Чжэньюй открыл глаза. Он нежно посмотрел на одеяло, которого касался Ши Яньжу, и довольно улыбнулся. Старший брат такой добрый, его так легко использовать.

Ответ от Сун Цзыхуа пришел какой-то странный:

У Чжэньюя сложный характер, самоповреждение — результат внутренней боли. Тебе нужно дать ему больше личного пространства. Завтра я приеду.

Ши Яньжу перечитал сообщение несколько раз. Ему казалось, что доктор говорит загадками. Совет дать больше пространства — это намек держаться подальше? Но ведь в больнице Сун

Цзыхуа говорил, что Цинь Чжэньюй считает его своим спасением. Ши Яньжу размышлял долго и наконец понял: Сун Цзыхуа знает об опасности, исходящей от Цинь Чжэньюя, и предостерегает его. А значит, состояние Цинь Чжэньюя критическое, и его жизнь может быть в опасности.

На следующий день они не стали обсуждать сообщение. Цинь Чжэньюй несколько раз глазами показывал Сун Цзыхуа, чтобы тот уходил, но врач игнорировал его, дождался, пока Ши Яньжу выйдет из гостиной, и спросил:

— Ты использовал Кун Цинлиня, чтобы поранить себя, надеясь выжить его из дома?

Цинь Чжэньюй, полулежа на диване, приподнял бровь:

— Мне не нравится, что Кун Цинлинь крутится рядом с ним.

Сун Цзыхуа понизил голос:

— Они выросли вместе, у них крепкая связь. Ты знаком с ним совсем недолго. Как думаешь, кому он поверит — тебе или Кун Цинлиню?

Цинь Чжэньюй поджал губы и невольно посмотрел на кухню. Через стекло он видел суесящегося там Ши Яньжу, и на душе у него стало тепло и радостно.

— Чжэньюй, что бы ты ни делал, Ши Яньжу не порвет с Кун Цинлинем, — добавил Сун Цзыхуа.

— Вот как? — холодно отозвался Цинь Чжэньюй. — А я хочу попробовать. У меня полно способов заставить Кун Цинлиня исчезнуть из его жизни.

Сун Цзыхуа встал, положил руку на плечо Цинь Чжэньюя и вздохнул:

— Ты мой босс, я не вправе тебе мешать. Но как друг советую: не заходи слишком далеко. Есть вещи, после которых нет пути назад. Я не спрашиваю, что ты чувствуешь к нему, главное — чтобы ты был счастлив. Но помни: Ши Яньжу — человек, а не бездушная кукла. Запомни это.

Цинь Чжэньюй с холодным лицом промолчал. Сун Цзыхуа улыбнулся:

— Ладно, я пошел.

Когда врач ушел, Цинь Чжэньюй вдруг усмехнулся. Конечно, он знает, что Ши Яньжу — человек. Кукла не умеет улыбаться и не дарит такого счастья.

Ши Яньжу не спрашивал, когда ушел Сун Цзыхуа. Поставив перед Цинь Чжэньюем послеобеденный чай, он сказал:

— Учитель организует выезд на пленэр, я вернусь завтра после обеда.

Цинь Чжэньюй, глядя в чашку, скрыл холодный блеск в глазах:

— Обязательно ехать?

Ши Яньжу нахмурился:

— Если тебе скучно, я могу позвать Син Баобао, чтобы он составил тебе компанию.

Кун Цинлинь рассказывал Ши Яньжу, что Син Баобао боготворит Цинь Чжэньюя и зовет его боссом.

Цинь Чжэньюй поднял взгляд и улыбнулся:

— Не нужно. Как раз будет время заняться делами компании. Я буду ждать твоего возвращения.

Ши Яньжу поспешно стал собирать принадлежности для рисования. Несмотря на то, что Цинь Чжэньюй был с ним подчеркнуто вежлив, рядом с ним он чувствовал себя неуютно, словно по коже бегали мурашки.

Кун Цинлинь, приехавший забрать Ши Яньжу, подошел к Цинь Чжэньюю и с вызывающей улыбкой произнес:

— Прости, не знал, что ты такой хрупкий, иначе не стал бы распускать руки. Впрочем, некоторые люди просто не знают своего места и пытаются получить то, что им не принадлежит. Жалкое зрелище.

Услышав шаги Ши Яньжу на лестнице, он громко добавил:

— Яньжу, я извинился перед Цинь Чжэньюем, он сказал, что не держит зла. Поехали скорее.

Ши Яньжу попросил его не торопиться, сел напротив Цинь Чжэньюя и заступился за друга:

— Цинлинь импульсивен, но что бы ни случилось, первым начал он, и это неправильно. Я извиняюсь за него, пожалуйста, не сердись.

<http://bllate.org/book/22176/2310493>